

КНИГА И ЧТЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРЫ

Научная статья

УДК 82-95 : 82.09

doi: 10.17223/23062061/39/4

В.А. ЖУКОВСКИЙ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «СЫН ОТЕЧЕСТВА»: 1812–1824 гг.

Евгений Олегович Третьяков¹

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Томск, Россия, shvarcengopf@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена выявлению своеобразия литературной репутации В.А. Жуковского, формируемой публикациями в «Сыне Отечества» под редакцией Н.И. Греча в 1812–1824 гг. В научный оборот вводится комплекс текстов, составляющих пространство присутствия Жуковского на страницах журнала в указанный период. Панорамный взгляд, брошенный на них, выявляет целеустремленные усилия, обусловленные литературной и общественной позицией издания и его местом в журналистике, по «канонизации» Жуковского в качестве как выдающегося мастера русской словесности, так и истинного «сына Отечества».

Ключевые слова: литературная репутация, русская литература, В.А. Жуковский, литературная критика, журналистика, «Сын Отечества»

Благодарности. Исследование проведено в Томском государственном университете в рамках проекта Российского научного фонда № 24-18-00386 «История русской литературной критики первой половины XIX века: В.А. Жуковский в прижизненной критической рецепции».

Для цитирования: Третьяков Е.О. В.А. Жуковский на страницах журнала «Сын Отечества»: 1812–1824 гг. // Текст. Книга. Книгоиздание. 2025. № 39. С. 54–73. doi: 10.17223/23062061/39/4

BOOK AND READING IN CULTURE

Original article

VASILY ZHUKOVSKY ON THE PAGES OF THE MAGAZINE *SYN OTECHESTVA: 1812–1824*

Evgeniy O. Tretyakov¹

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation,
shvarcengopf@mail.ru

Abstract. The first half of the 19th century can rightly be called the era of "journalocracy." One of the most authoritative magazines until the mid-1820s was *Syn Otechestva* (Son of the Fatherland), which exerted significant influence on the development of public thought and the movement of literary life in Russia. Its editor until 1839 was N.I. Grech, whose co-publisher from 1825 became F.V. Bulgarin. Furthermore, starting from the second half of the 1820s, the magazine's significance waned due to the disappearance of authors—primarily the convicted Decembrists—and changes in the socio-political climate. This article is dedicated exclusively to Grech's *Syn Otechestva*, or more precisely, to the presence of Vasily Zhukovsky on the pages of the magazine from its founding in 1812 until 1825. Zhukovsky gained fame as a living classic in 1812 with his poem "The Singer in the Camp of the Russian Warriors." It is primarily as the author of "The Singer..." that Zhukovsky appears on the pages of *Syn Otechestva*; it is "The Singer..." that underpins the unwavering authority the poet consistently enjoys in the magazine—a natural circumstance considering the latter's strategy of positioning itself as historical and political. It became a kind of paradigm, against which all poems in *Syn Otechestva* would be evaluated for comparison and conformity for a long time. This poetic cantata runs through the entire magazine of Grech, not merely accompanying the critical reception of Zhukovsky, but also, as a heroic hymn to service to the Fatherland, embedding this lofty ideal into Russian public consciousness and Russian literary culture. It became the point of intersection between the moral philosophy of the "true Russian patriot" and the publication's guiding principles. One cannot overlook the aspect of Zhukovsky as a translator. Needless to say, *Syn Otechestva* championed the outstanding merits of the "genius of translation's" adaptations, including in cases where his mastery was questioned. This position was formed not least because "the purity of motives of the majority of heroes" in the works translated by Zhukovsky "was subordinated to patriotic service" (A.S. Yanushkevich). A panoramic view of the reception of Zhukovsky's works by the editorial board of the magazine *Syn Otechestva*, published by Grech (1812–1824)—from "The Singer in the Camp of the Russian Warriors," which became not only a defining phenomenon in poetry but also a genuine fact of public consciousness, to the third edition of the poet's poems in 1824; from his editorial activity at *Vestnik Evropy* (Herald of Europe) to his support for agents of the institutional power environment—allows for the conclusion that Zhukovsky's status on the pages of the

publication during the period in question was extraordinarily high. This is dictated not only by the aesthetic merits of his works but also by the fact that Zhukovsky, in the unity of his biographical and creative aspects, is perceived as a kind of anthropological universal, fully embodying the substantial concept that lay at the foundation of the magazine's social and cultural position and gave it its name: he is a true "son of the Fatherland."

Keywords: literary reputation, Russian literature, V.A. Zhukovsky, literary criticism, journalism, "Syn Otechestva"

Acknowledgments. The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. No. 24-18-00386.

For citation: Tretyakov, E.O. (2025) Vasily Zhukovsky on the pages of the magazine *Syn Otechestva*: 1812–1824. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing.* 39. pp. 54–73. (In Russian). doi: 10.17223/23062061/39/4

Авторство почитаю службою отечеству.

B.A. Жуковский [1. С. 108]

Период первой половины XIX столетия по праву может именоваться эпохой «журналократии». «Русская журналистика пытаясь соответствовать времени, его неукротимому бегу, старалась запечатлеть те процессы, которые становились все более ощутимыми, выявить идеи и формы времени. Критическая мысль бурлила на страницах лучших журналов, и ее квинтэссенцией стали годовые обзоры текущей литературы (к слову, истоком бытования такового жанра в русской журналистике и литературной критике выступила статья Н.И. Греч «Обозрение русской литературы 1814 г.», открывшая первой своей частью инициальный номер журнала «Сын Отечества» 1815 г. [2. Ч. 19. № I. С. 3–17; Ч. 19. № II. С. 60–68; Ч. 19. № III. С. 89–103; Ч. 19. № IV. С. 129–139]. – Е.Т.) и взгляды на нее. Сам факт появления этих жанров журналистской критики и его последующая активизация свидетельствовали о росте литературного самосознания и о зримости новых тенденций в словесности. Литература воспринималась не как некое собрание авторов и произведений, а как живой историко-литературный процесс. Текущая литературная продукция не просто оценивалась с позиций вкуса, но подвергалась анализу, включалась в европейский процесс, соотносилась с предшествующей литературой, и при самом строгом взгляде выявлялось ее соответствие потребностям времени и национальным запросам» [3. С. 46]. Поистине невозможно представить себе формирование национального своеобразия русской словесной культуры без журнального контекста эпохи, в котором, как в зеркале, отражались ее ключевые тенденции.

«Всплеск русской журналистики (а он был очевиден по сравнению с XVIII в.) был обусловлен консолидацией литературных сил, поиском собственной литературной трибуны» [3. С. 45], и потому, с одной стороны, «журнальные тексты обладают определенной системностью: они выявляют дух времени, обозначают его формы и демонстрируют свою русскость, несмотря на рекламируемую тенденцию к бесстрастному энциклопедизму», с другой же – «русские журналы и газеты первой четверти XIX в. глубоко авторские. Несмотря на достаточно широкий круг корреспондентов и участников, они детище своих творцов», и «за каждым из издателей скрывается своя позиция и концепция литературного развития» [3. С. 43]. И одним из авторитетнейших, пожалуй, даже наиболее влиятельным журналом до середины 1820-х гг. являлся «Сын Отечества», выходивший в Санкт-Петербурге с 1812 по 1852 г. (с перерывами) и оказавший значительное влияние на развитие общественной мысли и движение литературной жизни в России. Редактором его вплоть до 1839 г. был Н.И. Греч; известно, что он поддерживал деловые, литературные и дружеские связи со многими из будущих декабристов (так, в «Сыне Отечества» весьма часто находилось место художественным и публицистическим текстам К.Ф. Рылеева, А.А. Бестужева, В.К. Кюхельбекера, Ф.Н. Глинки, публиковались в нем и благожелательные отзывы на альманах Бестужева и Рылеева «Полярная Звезда», в котором Греч принимал участие как сотрудник), не прервавшиеся до конца даже после восстания на Сенатской площади, пусть к началу рокового 1825 г. редактор-издатель «Сына Отечества» и сменил общественно-политическую позицию на вполне благонамеренную; этому удавалось сочетаться с тем, что отношение Грече к изящной словесности может быть выражено в том, что, извлекая из нее примеры для составленной им «Учебной книги российской словесности, или Избранных мест из русских сочинений и переводов в стихах и прозе с присовокуплением кратких правил риторики и пинтики и истории российской словесности», он руководствовался «величайшею разборчивостию в отношении к языку и вкусу, и особенно к нравственности их содержания» [2. Ч. 45. № XIV. С. 80]. С 1825 г. соиздателем «Сына Отечества» стал небезызвестный Ф.В. Булгарин, тогда как Греч сотрудничал в булгаринском «Северном архиве». Разумеется, столь одиозная личность [4] – «талантливый прозаик, автор нашумевшего романа “Иван Выжигин”, успешный журналист, на протяжении многих лет издававший первую русскую газету для массового читателя – “Северную пчелу” (“Пчелку”), которую почти все ругали и все читали, он прошел сложную эволюцию – от приятеля, почти друга декабристов до агента III Отделения полиции, автора политических доносов на своих

коллег. <...> Феномен Булгарина был неразрывно связан с проблемами и нравственными, и коммерческими. Именно в его деятельности проявилось лицо торгового направления, “железного века” в литературе, где прибыль и успех были чужды нравственности. Пушкин не случайно сравнивал Булгарина с парижским сыщиком Видоком, подчеркивая тем самым беспринципность его позиции» [3. С. 47], которая сыграла колossalную роль в тех преобразованиях, что претерпел «Сын Отечества»; помимо этого, начиная со второй половины 1820-х гг. значение журнала неуклонно снижалось ввиду исчезновения авторов – прежде всего осужденных декабристов – и изменений в общественно-политической обстановке. В связи с этим настоящая статья посвящена исключительно «Сыну Отечества» Грече, точнее, некоторым особенностям бытования журнала с момента его основания в 1812 г. до альтерации в 1825 г.

В качестве такового аспекта выступает в статье присутствие В.А. Жуковского на страницах «Сына Отечества» указанного временного отрезка. «Литературный Коломб Руси, открывший ей Америку романтизма в поэзии», творения которого определили «целый период нравственного развития нашего общества», согласно апологии В.Г. Белинского, – не только «единственный кандидат в святые от литературы» [5. С. 338]; личность и творчество его, как отмечает В.С. Киселев, «подверглись канонизации очень рано, уже к рубежу 1820–1830-х гг., и до периода 1930–1950-х гг. место поэта в национальном пантеоне не подвергалось сомнению. Столь же быстро он в него и вернулся уже к 1960–1970-м гг. Роль прижизненной литературной критики в установлении подобного консенсуса была чрезвычайно велика, однако до сих пор не отрефлексирована, что придает особую актуальность изучению этих аспектов» [6. С. 213]. Но стоит помнить, что «вместе с тем между поистине классической литературой и литературой, санкционируемой некими авторитетами (государство, художественная элита) существует серьезное различие. Репутация писателя-классика (если он действительно классик) не столько создается чьими-то решениями (и соответствующей литературной политикой), сколько возникает стихийно, формируется интересами и мнениями читающей публики на протяжении длительного времени, ее свободным художественным самоопределением» [7. С. 150]. В случае Жуковского имели место обе интенции, что обусловило непреходящее высокое реноме поэта.

Таким образом, задача предпринятого исследования – «сделать выводы об общих механизмах литературной легитимации и канонизации в русской словесности первой половины XIX в.» [6. С. 216] на материале публикаций журнала «Сын Отечества» 1812–1824 гг., в которых так или

иначе упоминаются личность и, прежде всего, творчество В.А. Жуковского.

В первую очередь отметим, что каждая эпоха, как писал М.М. Бахтин, «по-своему переакцентирует произведения ближайшего прошлого. Историческая жизнь классических произведений есть, в сущности, непрерывный процесс их социально идеологической переакцентуации», ибо бытование в большом историческом времени сопряжено с тем, что их смысловой состав способен «растя, досоздаваться далее»: на «новом фоне» классические творения раскрывают «все новые и новые смысловые моменты» [8. С. 231–232]. Жуковский приобрел славу живого классика в судьбоносном 1812 г., когда в ноябрьской книжке «Вестника Европы» было помещено высшее воплощение «лиризма песенного типа» [9. С. 86], свойственного творчеству поэта, – стихотворение или, как обозначает его жанровую принадлежность А.С. Янушкевич, поэтическая кантата [10. С. 111] «Певец во стане русских воинов», в 1813 г. выпущенное отдельным изданием, но успевшее к тому моменту широко разойтись по армии в списках и даже снискать славу «лучше[го] произведени[я] на российском языке» [11. С. 131] (здесь мы вторим В.Г. Белинскому, отметившему, что «“Певцу во стане русских воинов” Жуковский обязан своею славою: только через эту пьесу узнала вся Россия своего великого поэта...» [12. Т. VII. С. 186]). Преимущественно именно автором «Певца во стане русских воинов» представлен Жуковский на страницах «Сына Отечества» (который проигнорировал собственно выход стихотворения в свет, впоследствии опираясь на его статус *de facto*, что в высшей степени соответствует основополагающему свойству классического произведения, ибо «классика призвана к тому, чтобы, находясь вне современности читателей, помогать им понять самих себя в широкой перспективе культурной жизни – как живущих в большом историческом времени. Составляя повод и стимул для диалога между разными, хотя в чем-то существенном и сродными культурами, она обращена прежде всего к людям духовно оседлым (выражение Д.С. Лихачева), которые живо интересуются историческим прошлым и причастны ему» [7. С. 149–150]), именно «Певец...» обусловливает непоколебимый авторитет, которым неизменно пользуется поэт в журнале, что закономерно, учитывая стратегию позиционирования последнего как исторического и политического. В.А. Жуковский, сумевший «расширить сферу гражданской и патриотической поэзии, стать “певцом двенадцатого года и Александрова царствования”, «поэтическая трилогия» которого «Певец во стане русских воинов», «Императору Александру» и «Вождю победителей» «открывала новые пути в воссоздании гражданских эмоций как

отзвуков духовных настроений всей нации и одновременно как личного, глубоко интимного лирического чувства» [3. С. 83], соответствовал этой установке как нельзя более полно; в «Певце...», «сближая одилическую и элегическую традиции, Жуковский создал оригинальный синтез стилей и малых поэтических форм. По общему масштабу звучания, многоплановости изображения “Певец во стане русских воинов” – героическая канцеля. В этом смысле произведение Жуковского заняло особое место в лирике Отечественной войны 1812 г., выразив чувства и настроения ее участников» [10. С. 117], что и делает его своего рода парадигмой, в сравнении и на соответствие которой будут в течение долгого времени оцениваться в «Сыне Отечества» все стихотворения.

Чтобы убедиться в этом, достаточно сказать, что из 138 материалов, в которых содержатся упоминания В.А. Жуковского, обнаруженных в выпусках «Сына Отечества» за 1812–1824 гг., включая 27 стихотворений поэта, опубликованных без всяческих комментариев в соответствующем разделе (по относящемуся к 1820 г. уверению Н.И. Грече, «в числе постоянных сотрудников наших имеем мы Василия Андреевича Жуковского, который, сообщив нам, для помещения в “Сыне Отечества”, *все* (здесь и далее курсив автора. – *E.T.*) напечатанные доныне сочинения и переводы свои в стихах и прозе, дал слово также трудиться для сего журнала и ни в каком другом издании не помещать своих произведений» [2. Ч. 63. № XXXIII. С. 329]), без малого 15 так или иначе затрагивают «Певца во стане русских воинов» (для сравнения: еще одно программное творение Жуковского, баллада «Светлана», называется более чем вдвое реже) – от цитирования надлежащих строф в статьях, посвященных кончине князя П.И. Багратиона и службе генерала П.П. Коновницына и генерал-майора Я.П. Кульгина как героев Отечественной войны 1812 г., до суждения прозаика, публициста и историка Г. Меркеля, издававшего в 1807–1831 гг. в Риге газету “Der Zuschaer”, который в своем обзоре на антологию К.Ф. фон дер Борга “Poetische Erzeugnisse der Russen”, вышедшую в Берлине в 1820 г., утверждает, что «Певец во стане русских воинов» «есть бессмертное стихотворение», что «и в переводе дышит жизнию» [2. Ч. 65. № XLIV. С. 191], и «желательно, чтобы г. Борг продолжал свои опыты сон amore: с одной стороны, он будет вестником славы российских поэтов, с другой – обогатит немецкую словесность такими стихотворениями, каких в течение двух столетий мало произвели ее отечественные писатели. Великие происшествия 1813 года не породили ничего великого! Все произведения нашей словесности погребены уже во мраке забвения, между тем как “Певец во стане русских воинов” будет жить столь же долго, как воспоминания о священной бра-

ни народов, и оживит их, если бы оные когда-нибудь могли погибнуть!» [2. Ч. 65. № XLIV. С. 192], знаменуя путь от патриотического энтузиазма до диалога культур. Впоследствии, бросая ретроспективный взгляд на эпохальные события, приведшие к рождению национального самосознания, Н.И. Греч замечает, что «публика наша равно восхищалась и «Певцом в стане русских воинов», и такими виршами, каковы, например, следующие: «Удино, хоть это правда, / Помешал бить Макдональда; / Но нам все это равно – / Мы разбили Удино» [2. Ч. 91. № II. С. 68–69]; ироническая интонация, относящаяся, конечно, не к «Певцу...», а к эстетической неразборчивости захваченной ощущением духовной силы русского человека и всей нации читательской аудитории, отнюдь не ставит под сомнение, но, напротив, актуализирует художественное совершенство первой составляющей приведенной антиномии. И совершенно закономерно, что, говоря о современной отечественной литературе, берущей начало в потрясениях и открытиях 1812 г., Греч не мог хотя бы не назвать кантуату Жуковского.

Естественным образом не избежал сравнения с «Певцом во стане русских воинов» и «Певец среди русских воинов, возвратившихся в Отечество в 1816 году» М.А. Бестужева-Рюмина, тем более, что он был предварен «Рассуждением о «Певце в стане русских воинов»» – и если последнее подверглось в «Сыне Отечества» уничтожительной критике [2. Ч. 87. № XXVIII. С. 88–90], ибо «это не критика, не рассмотрение, а просто выписка некоторых мест в стихах, с прибавлением того же в prose; но стихи правильны, приятны, сильны, а проза испещрена ошибками, тяжела, напыщена и растиянута» [2. Ч. 87. № XXVIII. С. 88], то само произведение удостоилось осторожной рецензии, которую с равным основанием можно понять и как сдержанно-благоприятную, и как иронично-отрицательную [2. Ч. 87. № XXIX. С. 136–140], и образом чуть менее естественным, но все же вполне очевидным, поэма А.П. Степанова «Суворов», которую автор посвященного ей письма характеризует в числе прочего следующим образом: «Сие произведение г. Степанова снова подружило меня с нашим Парнасом: откровенно скажу вам, что после «Певца во стане русских воинов» ни одно лирическое стихотворение не пленило меня, не доходило, так сказать, до сердца, – и даже некоторые стихотворения совсем было отвратили меня от нашей поэзии. Теперь, слава Богу!.. Вам обязан я обращением моим к любимейшему мною искусству» [2. Ч. 78. № XXVI. С. 262]. Более того, и самому Жуковскому уже в 1814 г. пеняли на то, что он разменивает свое недюжинное дарование на создание недостойных произведений, апеллируя к известнейшему его творению и высказывая пожелание, «чтоб автор «Певца во стане

русских воинов”, “Двенадцати спящих дев” и пр. – поэт, который умеет соединять пламенное, часто своенравное воображение с необыкновенным искусством писать, посвятил жизнь свою на произведения такого рода для славы Отечества (которое умеет чувствовать его заслуги) и не истощил бы своего бесценного таланта на блестящие безделки» [2. Ч. 16. № XXXV. С. 103]; впрочем, высказанные опасения оказались беспочвенными.

Таким образом, «Певец во стане русских воинов» проходит через весь «Сын Отечества», редактируемый Н.И. Гречем, не просто непременно сопровождая критическую рецепцию В.А. Жуковского, но как геройский гимн служению Отечеству внедряя в русское общественное сознание и русскую словесную культуру этот высокий помысел, утверждая его как некий определяющий духовный постулат последующей отечественной литературе; и это стало точкой пересечения нравственной философии «истинного русского патриота» и установок журнала, само название которого репрезентирует, что ключевой литературной фигурой в нем должен являться «историк и идеолог Николаевского царствования» [13], а образцовым произведением, претворившим как задушевное чаяние внесословного равенства людей, сопряженную с идеей государственной целостности, так и поэтический гений — «идее времени и формы времени»¹ соответственно, – несомненно «Певец во стане русских воинов».

Высоко оцениваются рецензентами «Сына Отечества» и иные произведения Жуковского – от «Императору Александру» [2. Ч. 20. № VII. С. 26–28], что очевидно («Стихотворение сие, писанное в форме послания и посвященное Ее Величеству Государыне Императрице Марии Федоровне, бесспорно должно занять первое место в числе произведений русской поэзии нынешнего времени, и стоит того, чтобы сведущие и искусные литераторы разобрали оное в подробности» [2. Ч. 20. № VII. С. 26]), до трехтомного собрания стихотворений 1824 г., подведенного итог поэтической деятельности В.А. Жуковского более чем за 20 лет [2. Ч. 93. № XVI. С. 85–88], заметкой о выходе которого знаково завершаются упоминания поэта в «Сыне Отечества» рассматриваемого периода: «Поздравляем всех любителей поэзии отечественной с сим неоценимым подарком. Если пылкость и парение, разнообразие вымыслов и картин, богатство воображения суть отличительные качества и других поэтов, то голос чувства, исходящий из души и в душу проникающий, есть неотъемлемое, исключительное достояние Жуковского, а язык чистый,

¹ «...Ибо если есть идеи времени, то есть и формы времени» [13. Т. II. С. 203].

благородный, правильный, гармонический – всегдашнее его выражение. Его поэзия есть вестница лучшего мира, напоминающая о бессмертии души и врачающая земные раны чаянием небесной награды: никогда не унижается она до изображения предметов, недостойных человека, одаренного душою; никогда не играет воображением насчет нравственности и в кипящие чаши жизненных удовольствий вливает капли нектара нездешней жизни!» [2. Ч. 93. № XVI. С. 85–86]; от «Певца на Кремле», естественным образом осененного ореолом величия предшествовавшего, воистину легендарного «Певца...» [2. Ч. 35. № II. С. 69–75] («*Певец в стане русских воинов* есть первое изо всех стихотворений на великие подвиги 1812 года. Поэт писал превосходную сию картину с натуры мастерскою кистио. И самая необыкновенная форма сего стихотворения сообразна с необычайными происшествиями и обстоятельствами того времени и чувствами, которые от того рождались в душе каждого россиянина! Песнь прервалась громом орудий и предвестником бури, истребившей врага и вознесшей славу Отечества. Русское воинство, совершив бессмертный поход к столице врагов и отомстив ей, по велению велико-го Государя своего, за зло добром, за опустошение сохранением, за смерть и ужас дарованием новой жизни и спокойствия, возвратилось на родину и почило от трудов своих. Певец восходит на священные стены Кремля и возглашает песнь благодарения Всевышнему Промыслу за освобождение и возвеличение любезного Отечества. В *стане русских воинов* представлял он взору соотчичей многочисленные прелестные картины:

И славу прежних лет, и славу лет грядущих!

И трон царский, и грозных вождей, и почивших на поле браны, и Дружбу, и Любовь, – все возвзвал он звуками вдохновенной лиры из области очарований в мир существенный. Живость, разнообразие, прелесть сих картин приличны были великим, священным чувствам и мыслям того времени. В нынешней песни его господствует, напротив того, восторг умиления и признательности к Промыслу, восторг тихий, спокойный, благоговейный. В ней все мысли и изображения имеют одну цель: представить чувства благодарности счастливых спокойствием и славою россиян к великому Государю, предводившему народами в сии незабвенные годы, и изъявить пред престолом Высшего Судии то – чего никакой язык человеческий достойно выразить не может!» [2. Ч. 35. № II. С. 70]), до «Двенадцати спящих дев» [2. Ч. 39. № XXXII. С. 230–232] («Главнейшее достоинство баллад, или повестей, г. Жуковского, так как и всех почти его стихотворений, состоит в легкой, свободной версификации и в *описательной, или картинной, Поэзии*. Он удивительно вла-

деет языком, столь упорным против большой части наших стихотворцев, и чрезвычайно живо изображает описываемые им в стихах предметы, особенно величественные и ужасные» [2. Ч. 39. № XXXII. С. 231]; от прозаических переводов, первая часть которых вышла в 1816 г. («Сия книга принадлежит к тем, которые говорят сами за себя лучше всех рецензий. Кто не услаждался чтением прекрасных переводов г. Жуковского в *Вестнике Европы* 1808, 1809 и 1810 годов? Кто не признавался, если не пред всеми, то по крайней мере про себя, что после Карамзина один Жуковский постиг тайну переводить на русский язык легкую прозу?») [2. Ч. 31. № XXIX. С. 109], до оригинальных авторских текстов, составивших увидевшие свет в 1818 г. «Опыты в прозе Василия Жуковского» («Имеет ли надобность в похвале нашей том хорошей прозы? Отнюдь нет! Мы считаем только обязанности известить о выходе его в свет любителей чтения. В оном заключаются статьи, которые напечатаны были в «Вестнике Европы» 1808 и 1809 годов: *Марьина роща*, *О критике*, *О басне и баснях Крылова*, *О сатире и сатирах Кантемира*, *Три сестры*, *Кто истинно добрый и счастливый человек*, *Писатель в обществе*. Статьи сии, сверх занимательности или важности содержания, имеют еще отличное достоинство в отношении к языку и слогу: г. Жуковский постиг тайну, известную немногим авторам нашим, — писать русскою прозою; его опыты (как называет их скромность), вместе с сочинениями г. Батюшкова, могут служить, после творений Карамзина, лучшою школою для желающих писать благородным средним русским слогом: в них видим, как превосходный талант открывает новые красоты в языке, избегает затруднений, побеждает упрямство обычая и пролагает дорогу будущим писателям. — Отличительным свойством сочинений г. Жуковского должны еще называться строгая нравственность и благопристойность, не позволяющая вкрасться в них ни малейшей двусмысленности. Он изображает и любовь, но любовь добродетельную, небесную, известную только душам чистым и непорочным, которая возвышает сердца и облагораживает все его движения!») [2. Ч. 47. № XXVII. С. 35–36]. Исключение составляет, пожалуй, лишь отношение к принадлежащим перу Жуковского басням: в единственном случае их упоминания мимоходом отмечается, что «Жуковского «Вечер», «Песнь над гробом славян-победителей» и некоторые песни уже показывали в нем будущего соперника Грея и Шиллера; но опыты его в баснях, если исключим «Сон могольца» и «Похороны львицы», были весьма неудачны» [2. Ч. 67. № I. С. 11]; не отличаются восторженным характером и замечания на оригинальную балладу автора «Узник» [2. Ч. 62. № XX. С. 22–26]. Но эти отдельные критические комментарии не препятствуют

возможности констатировать, что все жанровые поиски Жуковского были крайне востребованы и постоянно высоко оценивались в «Сыне Отечества» в течение первой декады существования журнала.

Таким образом, в отзывах на поэзию и прозу Жуковского здраво высказываются те пути, на которых он неустанно искал новые способы обогащения русской словесной культуры. Но в его случае словно предвосхищается пушкинское «стихи и проза не столь различны меж собой...»; действительно, очевидна типологическая общность тех произведений, что нашли отклик на страницах «Сына Отечества», все они позволяют согласиться с рецензентом журнала, резюмировавшим уже в 1816 г., что «Жуковский принадлежит к малому числу истинных стихотворцев нашего времени. Талант его должен быть тем любезнее его соотчичам, что он всегда посвящал его прославлению благочестия, любви к Отечеству, всех добродетелей человека и гражданина, любви и дружбы, которые известны одним душам благородным» [2. Ч. 27. № III. С. 112].

Нельзя обойти вниманием и ипостась В.А. Жуковского как переводчика, и в целом «особого разговора заслуживает проблема перевода на страницах русских журналов 1800–1830-х гг. <...> Переводили много, что актуализировало проблему “своего” и “чужого”, диалога культур, способствовало выработке “метафизического языка”, ускоряло вхождение новых идей в национальное сознание. <...> И журналистика была катализатором этих важных процессов выработки нового мышления. На страницах периодических журналов переводы чувствовали себя, нередко скрываясь за различными вариантами псевдонимов, более комфортно, чем в авторских собраниях сочинений. И самое главное – обретали больший публичный статус (так, широкий резонанс имела дискуссия о национальной самобытности русской литературы в целом и творчестве В.А. Жуковского в частности, имевшая место в 1816 г. между Н.И. Гnedичем (выступившим под псевдонимом * * *) [2. Ч. 31. № XXVII. С. 3–22] и А.С. Грибоедовым [2. Ч. 31. № XXX. С. 150–160] и вызванная публикацией баллады П.А. Катенина “Ольга” (первоисточником ее, подобно “Людмиле” Жуковского, послужила баллада немецкого поэта Г.А. Бюргера “Ленора”). – E.T.)» [3. С. 43–45]. Излишне говорить, что «Сын Отечества» был непрступной цитаделью, подлинной твердыней отстаивания выдающихся достоинств переложений «гения перевода», в том числе в тех случаях, когда его мастерство подвергалось сомнению: так, в 1821 г. одним из заметнейших явлений русской критики стала полемика вокруг перевода Жуковским баллады И.В. фон Гете «Рыбак», развернувшаяся между О.М. Сомовым (Жителем Галерной гавани), с одной сторо-

ны, и Ф.В. Булгариным и А.А. Бестужевым (А. Марлинским) – с другой; трибуной первого стали журналы «Невский зритель» [14. Ч. 5. № 1. Январь. С. 56–65; Ч. 5. № 3. Март. С. 275–290] и «Вестник Европы» [15. Ч. CXVII. № 5. Март. С. 17–31], контрдоводы его оппонентов печатались в «Сыне Отечества» [2. Ч. 68. № 9. С. 61–73; Ч. 68. № 13. С. 263–265]. В ходе этих жарких прений Булгарин, говоря о балладе «Рыбак», «переведенной», как нельзя лучше, нашим знаменитым поэтом Жуковским, которого талант и знание немецкого языка известны всем образованным людям», с присущим ему духом литературного бойца резко заявляет помимо прочего, что «ежели невежество или посредственность, ободренные скромностью гения, дерзают преступать свои пределы, если мучимые завистью они порываются засушить лавры, осеняющие скромное чело его, и диким воплем заглушить справедливо приобретенные похвалы, тогда-то справедливость вступает в свои права и удерживает своевольных в дерзостном их стремлении, говоря им: *non plus ultra*», и далее: «В сем прекрасном сочинении встречаются новые и смелые выражения, но они в стихах первоклассных поэтов, руководимых тонким вкусом, у всех просвещенных народов принимаются с благодарностью, а не с насмешками. Клопшток, Шиллер, Гёте, Байрон, Державин, Жуковский изобилуют сими смелыми порывами творческого воображения. Новые ощущения и мысли рождают новые выражения» [2. Ч. 68. № IX. С. 63, 71–72], в чем проницательно выявляется стремление переводчика, исключительно чуткого к ритмам современного ему времени (неслучайно пристальный интерес привлекали его эксперименты с размерами, скажем, выработка русского извода гекзаметра для переложений античной классики или использование в «Шильонском узнике», речь о котором пойдет чуть ниже, четырехстопного ямба со сплошными мужскими окончаниями), внести небывалое ранее в формы стихотворного повествования, обогатить поэтический язык. Что же касается Сомова, в следующем году он, уже под своим именем, высоко оценил переложение Жуковским «Шильонского узника» Дж.Г. Байрона, начав хвалебную рецензию, размещенную на сей раз в «Сыне Отечества» [2. Ч. 79. № XXIX. С. 97–118], следующими словами: «Вот другое, прекрасное произведение новейшей английской поэзии, которому г. Жуковский, с единственным ему талантом, дал право гражданства на российском Пarnасе!» [2. Ч. 79. № XXIX. С. 97]. Определенность позиции журнала и в данной ситуации совершенно очевидна.

Думается, сформировалась таковая позиция не в последнюю очередь благодаря тому, что для героев «Цеикса и Гальционы» Овидия, «Разрушения Трои» Вергилия, «Пери и Ангела» Т. Мура, наконец, Иоанны, ге-

роини трагедии И.К.Ф. фон Шиллера «Орлеанская дева» (все перечисленные сочинения были напечатаны либо обозревались в «Сыне Отечества») – произведений, переведенных В.А. Жуковским, который, как известно, всегда тщательно отбирал тексты для переложения и как любой большой художник неизбежно подвергал их собственной интерпретации, – «остро стоит проблема выбора, поведения в минуту, когда решается судьба отчизны, жизни и смерти. <...> Герои разных эпох и народов приближены к русскому читателю как носители высокой нравственной идеи. Эта идея приобретала и важный гражданский смысл, ибо чистота помыслов большинства героев была подчинена патриотическому служению» [10. С. 182]. Осознанно или нет, издатели «Сына Отечества» (напомним, что в 1821 г. и отчасти в 1822 г. соредактором журнала был А.Ф. Войков) явно уловили это.

Стоит ли говорить, что плоды поэтического труда В.А. Жуковского непременно включались в различные антологии и собрания лучших отечественных стихотворений, коих в рассматриваемый период выпускалось великое множество – от посвященных общей теме, обычно имевшей общеноциональное значение (например, еще свежей в памяти священной Отечественной войны) [2. Ч. 16. № XXXVIII. С. 243] до ничем, кроме личных предпочтений и вкусов издателей, не объединенных [2. Ч. 85. № XVI. С. 87–88]; в лингвистических диспутах языковеды прибегали к ним, иллюстрируя целесообразными отрывками из произведений поэта как образцового знатока словесности, филигранно владеющего ее ресурсами и остро реагирующего на тончайшие изменения в ней, процессы, происходившие в русском языке и приводившие к его трансформации (ограничиваясь здесь одним примером, взятым из «Сына Отечества» 1825 г. единственно по причине его репрезентативности: «Также, по мнению г. критика, все имена, имеющие русское окончание, имеют и род, соответственный окончанию. Но в сочинениях Жуковского мы находим:

И в молчании грустном глядит
На поля, небеса, на Мertonски леса,
На прозрачно бегущую Твид.
Замок Смальгольм.

Вот чужеязычное слово, но еще не обрусевшее; причастие *бегущий* согласовано с существительным *река*, родовым названием онего» [2. Ч. 101. № IX. С. 63]). Согласно расхожему представлению, основоположником современного русского литературного языка почитается

А.С. Пушкин [16], и это справедливо; но воистину «без Жуковского мы не имели бы Пушкина» [12. Т. VII. С. 221]! Для Н.И. Грече как педагога и филолога (напомним, он преподавал русскую и латинскую словесность в различных учебных учреждениях, в том числе – в Царскосельском лицее, свой путь на литературном поприще начал статьей «Синонимы. Счастье, благополучие, блаженство», опубликованной в 1805 г. в «Журнале Российской словесности», а вторую половину 1820-х гг. посвятил составлению признанных достаточно авторитетными пособий по грамматике русского языка), последнее также не могло не представлять профессиональный интерес и в какой-то мере не подтверждать верность утверждения Жуковского на роль ключевой фигуры отечественной словесной культуры, что всемерно постулировалось в «Сыне Отечества» Грече.

Предсказуемо заслуженными дифирамбами обличивается и характеристика усилий В.А. Жуковского на посту редактора «Вестника Европы» (отношения «Сына Отечества» с которым временами были отнюдь не безоблачными²), который он занимал в 1808–1810 гг. и «почти заставил читателей (разумеется, прихотливых) жалеть, что он от Карамзина не достал[ся] прямо в руки сего превосходного писателя, который, не имея столько познаний в древностях, как Каченовский, имеет больше вкуса и дарований. Слог Жуковского пленяет разнообразием: в превосходных статьях его, в “Вестнике Европы” напечатанных, Бюффон не говорит одинаким языком с Боннетом, Лихтенбергом, Шиллером. Как великий актер, представляя Тита, Ахиллеса, Танкреда, Оросмана, понимает тонкие, незаметные оттенки каждого из сих характеров в особенности, так Жуковский умел заставить каждого иностранного писателя говорить по-русски тем языком, каким говорил бы он, если б родился в России, и тем слогом, какой приличен его характеру, народности, веку. В сем отношении, если не ошибаемся, Жуковский похитил у Карамзина пальму первенства... <...>. В “Вестнике Европы” 1808, 1809 и 1810 годов находим очень много статей, в которых видны ум, талант, вкус, приличие, с самою тонкою разборчивостью употребленные и без малейшего вида натяжки или усилия»; эти годы именуются «блестательн[ой] эпох[ой] “Вестника Европы”» [2. Ч. 67. № I. С. 12–15], что может быть и не бесспорно, однако полностью вписывается в магистральную линию

² См.: [15. Ч. CXVII. № 7 и 8. Апрель. С. 226–246] и ответную статью: [2. Ч. 70. № XXI. С. 3–26].

представления автора статьи-манифеста «О нравственной пользе поэзии» «Сыном Отечества».

Неразрывная связь литературы с историческим контекстом, с событиями общественно-политическими воплощается и в небольшой заметке, которой редакция «Сына Отечества» отреагировала на то, что «любимый иуважаемый всею просвещеною публикою нашою писатель *Василий Андреевич Жуковский* удостоился на сих днях получить знаки особенной монаршей милости. Государь Император, обращая внимание на отличные сочинения, которыми он украсил русскую словесность и из коих многие посвящены славе воинства российского, в изъявление Высочайшего своего благоволения и для обеспечения впредь состояния его всемилостивейше соизволил назначить ему четыре тысячи рублей ежегодного пенсиона и в то же время пожаловал ему драгоценный брильянтовый перстень с своим вензелем. Мы уверены, что все любители сочинений *Жуковского* (и кто не любит их?) разделят с нами удовольствие, которое мы ощутили, узнав, каким отличным образом великий и правосудный монарх наградил таланты и труды, посвященные славе Отечества и распространению между соотчичами любви к истине и добродетели, которою дышат все творения сего любезного стихотворца!» [2. Ч. 35. № I. С. 40]. Репутация В.А. Жуковского в «Сыне Отечества» стала несокрушимой, будучи как обусловленной признанием читателей, так и укрепленной благосклонностью власти предержащих, признавших государственное значение его поэзии.

Фрагмент одной из статей, вышедших в «Сыне Отечества», которым мы хотим завершить этот обзорный взгляд, брошенный на комплекс текстов, образующих пространство пребывания В.А. Жуковского на страницах журнала, может показаться анекдотичным, однако пример этого курьезного пассажа показателен в том ключе, что демонстрирует, насколько всеобъемлющим было присутствие поэта не только в общественной и культурной жизни, но даже в бытовом и научном сознании, а именно: в 1819 г. имели место дебаты по поводу изданной в 1818 г. первой части труда историка, статистика и географа, в будущем действительного члена Российской академии и академика Петербургской Академии наук К.И. Арсеньева «Начертание статистики Российского государства», и вслед за «Русским инвалидом», откликнувшись на выход книги доброжелательно, критическая рецензия была опубликована в «Духе журналов», пространную антикритику же в трех номерах разместил «Сын Отечества»; казалось бы, предмет сего ученого спора никакого касательства к Жуковскому не имеет, однако поборник Арсеньева, цити-

руя высказывание своего оппонента («г. рецензент говорит: “по нашему мнению, два главных предмета служат основанием статистики: земля и жители. К сим присоединяются: конституция, правительственная часть и народное богатство”. Пусть г. рецензент имеет это мнение, но пусть, по крайней мере, не говорит *наше мнение*: ибо это мнение не может быть мнением ни одного, кто имеет понятие о сущности статистики»), затем остроумно возражает ему: «Не то ли же это значит, как если бы кто, прочитав “Вадима” Жуковского, со всею важностию сказал: “По нашему мнению, два главных предмета в сем стихотворении: буквы и слова. К сим присоединяются: мысли, вымысл, вкус в выборе картин, чувство в выражении”» [2. Ч. 52. № X. С. 164, 166]. Безусловно, забавно, но также и наглядно.

Таким образом, панорамный взгляд на рецепцию творчества В.А. Жуковского редакцией журнала «Сын Отечества», издаваемого Н.И. Гремчем (1812–1824 гг.), – от ставшего не только определяющим явлением поэзии, но и подлинным фактом общественного сознания «Певца во стане русских воинов», который «занял первое место в оценке современников, значит, он отвечал какой-то самой насущной потребности патриотически настроенных читателей, давал что-то совершенно новое, казавшееся особенно ценным» [17. С. 75], до третьего издания стихотворений поэта 1824 г., выступившего своего рода подведением «предварительных итогов» прохождения им жизненного и творческого пути, от трехлетней редакторской деятельности в «Вестнике Европы» до поддержки агентов из иной институциональной среды (в частности, властных) и упоминаний в контексте, как будто вовсе не подразумевающем таковых, позволяет сделать некоторые выводы относительно как особенностей позиционирования непосредственно Жуковского, так и стратегий само-презентации издания в целом, начиная с того, что зачастую весьма различные индивидуальные рецепции подвергаются селекции по сценариям, вытекающим из своеобразия журнала, и аккумулируются в принятное в нем коллективное мнение, задающее статус литератора в данном дискурсе. В случае Жуковского этот статус в рассматриваемый период был необычайно высок, что диктуется не только эстетическими достоинствами его произведений, но и тем фактом, что Жуковский в единстве его биографической и творческой ипостасей воспринимается как своего рода антропологическая универсалия, во всей полноте воплощающая субстанциальный концепт, лежавший в основе общественной и культурной позиции греческого журнала и давший ему имя; он – примерный «сын Отечества», почти жречески преданный идеалу и с трепетом мистика на-

делявший русское слово сакральным смыслом³. При этом, как абсолютно верно замечает О.Б. Лебедева, «проблема национальной идентификации в случае с В.А. Жуковским достаточно неоднозначна: по всем параметрам он скорее космополит, чем самоидентифицированный русский. Этнически наполовину турок, эстетически – больше переводчик, чем оригинальный поэт, знаток и ценитель европейских литератур, проводник их влияния на русскую словесность, идеологически – либерал, убежденный западник и одновременно столь же убежденный монархист и государственник, идеолог империи» [18. С. 149–150]; решение этого парадокса исследователь правомерно видит в том, что семиосфера понятия «русский» как минимум в лирике Жуковского «неразрывно сопрягает семиосферы двух основных жанровых тенденций его лирического наследия и в самом общем виде может быть описана в сочетании двух основных сем: язык (словесное творчество) – гражданская позиция», и исследование таковой «неоспоримо свидетельствует о том, что высшую позицию в ее иерархии ценностей занимает именно язык – главный критерий национальной идентификации и самоидентификации» [18. С. 162–163], что и обусловило мировоззренческую и творческую максиму поэта, провозгласившего: «Авторство мне надобно почтать и должностю гражданскою, которую совесть велит исполнять со всевозможным совершенством» [1. С. 118], которая целиком и полностью совпадает с ориентацией «Сына Отечества», игнорировавшего указанную противоречивость во имя формирования образа выдающегося мастера русской словесности и высоко нравственной личности – истинного «сына Отечества».

Список источников

1. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем. Т. 15. М. : Языки славянской культуры, 2018. 1088 с.
2. Сын Отечества: исторический, политический и литературный журнал. 1812–1825.
3. Янушкевич А.С. История русской литературы первой трети XIX века : учеб. пособие. М. : Флинта, 2013. 748 с.

³ См. в связи с этим: «Чем больше пишу, тем более восхищаюсь нашим языком – этому очарователю все возможно. Французская ясность, немецкая живопись и разнообразие, и смелость и английская твердость – все в нем есть. И сколько еще можно дать ему национального, собственного, чего нет ни в каком языке» [1. С. 293].

4. Селезнев М.Б. Литературная репутация Ф.В. Булгарина в литературно-эстетических дискуссиях 1820–1840-х годов : дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2008. 183 с.
5. Зайцев Б.К. Сочинения. Т. 3. М. : Терра, 1993. 573 с.
6. Киселев В.С. Творчество В.А. Жуковского в рецепции литературной критики первой половины XIX века: к постановке проблемы // Имагология и компаративистика. 2024. № 21. С. 207–219.
7. Аминева В.Р. Теория литературы : конспект лекций. Казань, 2014. 355 с.
8. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М. : Худож. лит., 1975. 506 с.
9. Семенко И.М. Жизнь и поэзия Жуковского. М. : Худож. лит., 1975. 256 с.
10. Янушкевич А.С. В мире Жуковского. М. : Наука, 2006. 524 с.
11. Афанасьев В.В. Жуковский. М. : Молодая гвардия, 1986. 398 с.
12. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений : в 13 т. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1953–1959.
13. Гузариков Т. Жуковский – историк и идеолог Николаевского царствования. Тарту, 2007. 156 с. (Dissertationes philologiae Slavicae Universitatis Tartuensis, Bd. 19.)
14. Невский зритель. 1821.
15. Вестник Европы. 1821.
16. Виноградов В.В. А.С. Пушкин – основоположник русского литературного языка // Известия Академии наук СССР. Т. VIII. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1949. С. 187–215.
17. Розанов И.Н. Патриотическая лирика поэтов трех поколений в Отечественную войну 1812–1815 гг. // Ученые зап. МГУ. 1946. Вып. 118. С. 72–82.
18. Лебедева О.Б. Семиосфера понятия «русский» в лирике В.А. Жуковского // Имагология и компаративистика. 2023. № 19. С. 148–164.

References

1. Zhukovskiy, V.A. (2018) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* [Complete Collection of Works and Letters]. Vol. 15. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
2. *Syn Otechestva: istoricheskiy, politicheskiy i literaturnyy zhurnal* [Son of the Fatherland: Historical, Political and Literary Journal] (1812–1825).
3. Yanushkevich, A.S. (2013) *Istoriya russkoy literatury pervoy treti XIX veka* [History of Russian Literature of the First Third of the 19th Century]. Moscow: Flinta.
4. Seleznev, M.B. (2008) *Literaturnaya reputatsiya F.V. Bulgarina v literaturno-esteticheskikh diskussiyakh 1820–1840-kh godov* [The Literary Reputation of F.V. Bulgarin in Literary and Aesthetic Discussions of the 1820s–1840s]. philology Cand. Diss. Magnitogorsk.
5. Zaytsev, B.K. (1993) *Sochineniya* [Works]. Vol. 3. Moscow: Terra.
6. Kiselev, V.S. (2024) Vasily Zhukovsky's works in the reception of literary criticism of the first half of the 19th century: To the problem statement. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 21. pp. 207–219. (In Russian). doi: 10.17223/24099554/21/10
7. Aminova, V.R. (2014) *Teoriya literatury: konspekt lektsiy* [Theory of Literature: Lecture Notes]. Kazan: [s.n.].

8. Bakhtin, M.M. (1975) *Voprosy literatury i estetiki: Issledovaniya raznykh let* [Questions of Literature and Aesthetics: Studies from Different Years]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
9. Semenko, I.M. (1975) *Zhizn' i poeziya Zhukovskogo* [The Life and Poetry of Zhukovsky]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
10. Yanushkevich, A.S. (2006) *V mire Zhukovskogo* [In the World of Zhukovsky]. Moscow: Nauka.
11. Afanasiev, V.V. (1986) *Zhukovskiy* [Zhukovsky]. Moscow: Molodaya gvardiya.
12. Belinskiy, V.G. (1953–1959) *Polnoe sobranie sochineniy: v 13 t.* [Complete Collected Works: in 13 vols]. Moscow: USSR AS.
13. Guzairov, T. (2007) *Zhukovskiy – istorik i ideolog Nikolaevskogo tsarstvovaniya* [Zhukovsky as Historian and Ideologist of the Nicholas Reign]. Tartu: [s.n.].
14. Nevskiy zritel'. (1821)
15. *Vestnik Evropy*. (1821)
16. Vinogradov, V.V. (1949) A.S. Pushkin – osnovopolozhnik russkogo literaturnogo jazyka [A.S. Pushkin – the Founder of the Russian Literary Language]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR*. VIII. pp. 187–215.
17. Rozanov, I.N. (1946) Patrioticeskaya lirika poetov trekh pokoleniy v Otechestvennyu voynu 1812–1815 gg. [Patriotic Lyric Poetry of Poets from Three Generations in the Patriotic War of 1812–1815]. *Uchenye zapiski MGU*. 118. pp. 72–82.
18. Lebedeva, O.B. (2023) The semiosphere of the concept "Russian" in Vasily Zhukovsky's lyric poetry. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 19. pp. 148–164. (In Russian). doi: 10.17223/24099554/19/8

Сведения об авторе:

Третьяков Евгений Олегович – кандидат филологических наук, доцент, кафедра русской и зарубежной литературы филологического факультета Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: shvarcengopf@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Evgeniy O. Tretyakov, Cand. Sci. (Philology), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: shvarcengopf@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 05.08.2024;
одобрена после рецензирования 19.11.2024; принята к публикации 01.10.2025*

*The article was submitted 05.08.2024;
approved after reviewing 19.11.2024; accepted for publication 01.10.2025*